

ОБ ОДНОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПРЕДПОСЫЛКЕ ГНОСЕОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ

И.Ф. ГАБРУСЬ

*Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники
ул. П. Бровки, 6, г. Минск, 220013, Республика Беларусь
kaffil@bsuir.by*

Современная культура не только не помогает индивиду противостоять напору либидоизной энергии на его дух, но откровенно выступает в роли ее провокатора.

Ключевые слова: гносеология обучения, «супостат, пожирающий умение и знание», историко-философский казус, современная культура.

Студент приходит в аудиторию. Для диалектико-материалистической гносеологии это уже не просто молодой, биологически полноценный индивид, но субъект познания социальный. А это значит, что он во многом уже сформировавшаяся личность, студенческий статус которой предполагает большой и разнообразный багаж знаний, умений и навыков, а также и наличие определенной изготовки его сознания на овладение выбранной специальностью. Такое понимание социальной природы субъекта познания – несомненное достижение диалектико-материалистической гносеологии. Но оно прихрамывает в том отношении, что исходит из предпосылки, что с биологией у субъекта все нормально, в том смысле, что она всем удовлетворена и спокойно дремлет себе, не вмешиваясь в познавательный процесс, и потому дает этому процессу беспрепятственно развиваться в соответствии с принципами и законами когнитологии. Но это слишком сильное допущение. Биология молодого человека – это, прежде всего большой заряд фрейдовской либидоизной энергии, всегда готовой вырваться на поверхность духа и захватить весь его плацдарм. Сила страшная, и если просыпается не к месту и не ко времени – сила явно асоциальная (впрочем, асоциальная только в очень конкретной ситуации, требующей от индивида, оказавшегося в ней, ее рационального истолкования и интерпретации. Но как основа семейного союза мужчины и женщины она приобретает качество первостепенной социальности). Платоновский образ норовистого коня, непослушного вознице-разуму – символа живущей в нас вожделеющей страсти, Большого Желания – слишком комплиментарен этой темной силе. Бхагаватгита же дает ей абсолютно адекватное определение, без всяких обиняков именуя «супостатом, что пожирает умение и знание». А о ее месте и полновласти в мире в той же Бхагаватгите читаем: «Как зеркало ржавчиной, как зародыш покрыт оболочкой, как дымом покрыто пламя, так он этот мир покрывает – неистребимое пламя это, принявшее образ Камы». Супостат не нуждается в провокациях. Он всегда на посту и в полной боевой готовности. Поэт лишь констатирует всем известный факт, что в молодости «все мои члены были гибки, за исключением одного», а в старости «все мои члены затвердели, за исключением одного». А значит, «ни сна, ни отдыха измученной душе», которой при этом (и несмотря ни на что) надо еще и на личностном уровне не подкачать: тому же студенту ВУЗа – своевременно и успешно сдать все лабораторные, курсовые, зачеты и экзамены, проявить себя и даже достичь максимальных высот в спорте, и художественной самодеятельности, и в структурах молодежных политических ассоциаций, а еще быть внимательным и заботливым сыном или дочкой, общительным и надежным коллегой, формировать из себя крепкого профессионала и т.д., и т.п. Как пожиратель уме-

ний и знаний супостат – враг студента номер один. Ведь студент как студент – это в первую очередь труженик смысла, носитель гераклитовского «самообогащающегося Логоса, пределов которому не сыщешь». Хорошему студенту любой ценой нужно прорваться к платоновскому царству вечных идей, по Августину Блаженному – получить доступ к мыслям Бога, по Карлу же Попперу – освоить третий мир, мир научных истин, противостоящий как внешнему миру чувственных вещей, так и внутреннему миру психических феноменов. Врываясь в пространство сознания, супостат переворачивает здесь все вверх дном, форматирует и переформатирует здесь все под себя. При этом он захватывает не только все пространство сознания, гуссерлевское «живое настоящее», но и подчиняет себе волю человека, которая в итоге теряет свое качество разумного стремления, а превращается в слепую и агрессивную, не признающую никаких доводов разума шопенгауэровскую «волю к жизни», неистребимую жажду жизни. Хотеть, по Шопенгауэру, не учатся. Воля, средоточием которой является половое влечение, половой инстинкт, всегда деятельна. Она не перестает желать. Здесь стоит сказать пару слов об одном историко-философском казусе, а именно, как в XX веке основоположником психоанализа был найден «топор под лавкой». Сам поздний Фрейд, ознакомившись с идеями Шопенгауэра (а он в свою очередь был прилежным читателем древнеиндийских Вед, Бхагаватгиты и Буддийского канона), вынужден был признать, как многим он обязан своей недостаточной образованности.

И вот: биология студента сама по себе, по природе своей бурлит горячей юной кровью, общество (в лице прежде всего своего родного БГУИР) ждет от него пассионарного горения в овладении выбранной профессией, а культура современная на каждом шагу и почти в каждом своем проявлении провоцирует в нем взрывную вспышку либидоизной энергии, обращена к тому самому ненасытному камавидному супостату из Бхагаватгиты, «что пожирает уменье и знание». Совершенно очевидно, такая культура – не жизнеспособна. Со своей явно ущербной духовностью она может уповать лишь на свое технологическое превосходство и на свою техническую супероснащенность, используя их как орудия построения «лучшего из миров» – глобальной, общепланетарной системы подавления и насилия, глобального тоталитаризма и диктатуры, по сравнению с которыми тоталитарные политические режимы прошлого покажутся невинными детскими забавами.